

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ
МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

Александр Александрович Формозов

Исследователи древностей Москвы и Подмосковья

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180696

*Исследователи древностей Москвы и Подмосковья: Рукописные
памятники Древней Руси; Москва; 2007*

ISBN 5-9551-0133-0

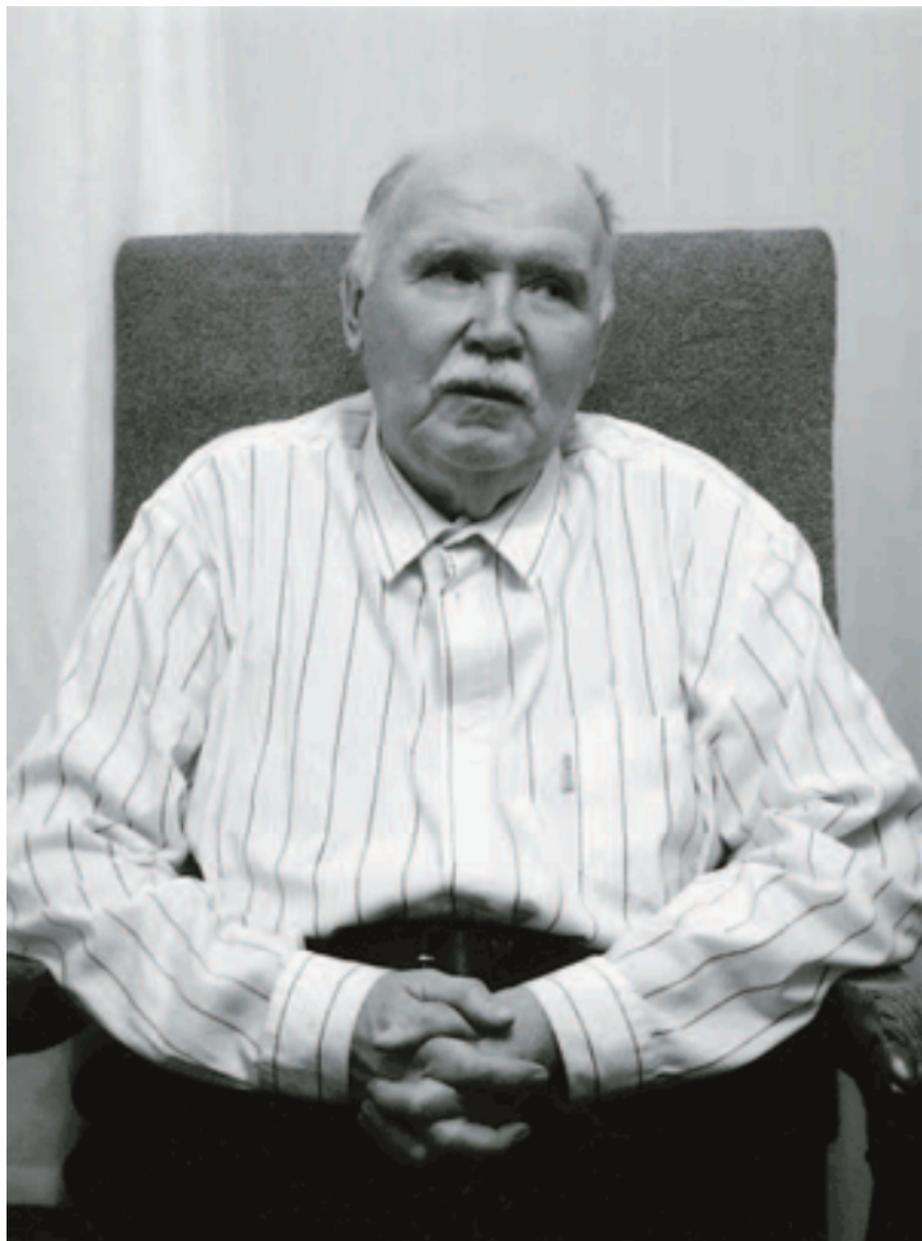
Аннотация

В книге рассказывается о людях, исследовавших археологические памятники Москвы и Подмосковья – курганы, городища, стоянки первобытной эпохи. Охвачен период с 1820-х до 1940-х годов. Материал рассмотрен на широком историко-культурном фоне.

Содержание

Введение	7
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Александр
Александрович Формозов
Исследователи древностей
Москвы и Подмосковья**

Александр Александрович Формозов родился в 1928 г. в Москве. В 1951 г. окончил исторический факультет Московского университета. Более 50 лет проработал в Институте археологии Российской Академии наук. Опубликовал около 300 статей и 28 книг. Занимался первобытной археологией, первобытным искусством, историей науки. В данной книге автор рассказывает о людях, исследовавших археологические памятники Москвы и Подмосковья в XIX – первой половине XX вв. По сравнению с первым изданием 1988 г. в текст введено много не использованных ранее материалов.

Введение

В наши дни любой очерк истории Москвы или Подмосковья начинается с рассказа о древнейших обитателях этого края. Точно так же в Музее истории Москвы, в Областном краеведческом музее в городе Истре и во всех районных музеях области первые залы отведены для показа археологических находок.

Посетители, осматривающие эти экспонаты, и читатели, знакомящиеся с прошлым столицы по книгам, узнают, что центральные районы страны были освоены человеком еще в каменном веке. Особенно много здесь неолитических стоянок IV–III тысячелетий до нашей эры. Охотники и рыболовы, селившиеся в ту эпоху по берегам рек и озер, умели искусно обрабатывать кремень и кость и лепили от руки глиняные яйцевидные сосуды, украшая их стенками ямками и отпечатками покрытого зубчиками штампа.

Во II тысячелетии до нашей эры в Подмосковье появились первые скотоводы, пользовавшиеся наряду с камнем медью и бронзой. Об этих племенах мы знаем по раскопкам не стоянок, а могильников, называемых по месту первой находки фатьяновскими. В таких могильниках нередко встречаются тщательно отполированные и просверленные для крепления на рукояти каменные топоры, то простой клиновидной формы, то более сложных, даже вычурных очертаний – ладье-

видные.

Начало железного века в Подмосковье – период с VII века до нашей эры по середину I тысячелетия нашей эры – характеризуется городищами «дьякова типа». Они названы так по Дьякову городищу у Коломенского – первому памятнику этого рода, изученному путем раскопок еще сто лет назад.

Городища представляют собой остатки укрепленных поселений. На них всегда можно различить следы оборонительных линий – валы и рвы. За земляным валом и стоявшим на нем деревянным тыном в минуту опасности люди прятались сами и укрывали от нападения иноплеменников главное свое богатство – скот. На дьяковских городищах каменные орудия попадаются сравнительно редко. Их заменили железные. Широко использовались и костяные изделия. Сосуды, по-прежнему лепные, покрыты отпечатками ткани. Находят тут и предметы из меди – в основном украшения, детали костюма и конской упряжи.

В науке нет единого мнения о том, на каких языках говорили люди, жившие на неолитических стоянках и дьяковских поселениях и похороненные на фатьяновских кладбищах. Зато совершенно бесспорно, что многочисленные курганы Подмосковья насыпаны над древнерусскими захоронениями XII–XIV веков. В это время на Руси уже распространилось христианство, но сохранялись старые языческие обряды. Над могилой сородича возводили земляной холм, а на тот свет покойника сопровождали сосуды с пищей, а порой и

орудия труда. Женщин хоронили с украшениями – металлической гривной или бусами на шее, браслетами и перстнями на руках и своеобразными кольцами, вплетавшимися в волосы или закреплявшимися на ленте около висков. Глиняные горшки в курганах уже не лепные, а сделанные на гончарном круге мастерами-ремесленниками.

Установлено, что основная масса подмосковных курганов оставлена потомками упоминаемого в летописях древнерусского племени вятичей. Но в северной половине области находят вещи других типов, характерных для соседнего племени – летописных кривичей.

Наконец, археология может немало дать и для изучения самой древней Москвы, раскрывая слабо отраженные в письменных источниках особенности быта рядовых горожан. При всевозможных земляных работах в старых частях столицы и при специальных раскопках собраны богатые коллекции глиняных сосудов с черными, как бы прокопченными, а затем старательно пролощенными стенками, красивых печных изразцов с орнаментом и изображениями и другой средневековой утвари.¹

Таким образом, благодаря археологии можно проследить и основные этапы в развитии культуры в Московском крае на протяжении, по меньшей мере, пяти тысячелетий, и прогресс древнего производства, и смену разных по происхож-

¹ Популярный очерк московских древностей см.: Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.

дению племен и народов и т. д. Все это касается не только окрестностей столицы. На площади самого города, огромной по размеру (878,7 км², 40 км с севера на юг, 30 – с запада на восток) и связанной с наиболее удобными для поселения местами, обнаружены и неолитические стоянки, и могильники фатьяновского типа, и дьяковские городища, и курганы вятичей, и, конечно, остатки средневековья.

Бегло намеченная здесь периодизация сложилась в науке к началу XX века. Если мы раскроем первый том «Истории города Москвы» И. Е. Забелина, изданный при жизни автора в 1902 и 1905 годах, то мы еще не найдем там сведений ни о стоянках каменного века, ни о фатьяновских могильниках, ни о дьяковских городищах. Впервые эти материалы были введены в общий обзор истории нашего города в 1909 году в очерке академика Д. Н. Анучина, написанном для много-томного издания «Москва в ее прошлом и настоящем».

Ранние этапы истории Подмосковья восстанавливались по крупицам в ходе исследований нескольких поколений замечательных русских ученых. Имена их знают далеко не все из сегодняшних москвичей. О поисках, достижениях, заблуждениях деятелей отечественной науки, занимавшихся древностями Москвы и Подмосковья, я и хочу рассказать в этой книжке.

С какого момента мы вправе начать? Находки разных старинных вещей, безусловно, не раз и не два делали в самые отдаленные времена при рытье землянок и рвов, погребов и

котлованов для фундаментов каменных построек, но поняли, что диковинные предметы, попадающиеся в грунте, заслуживают внимания, не очень скоро.

Первая стоянка эпохи палеолита в Подмосковье была открыта только в 1980 году. Между тем можно не сомневаться, что на следы ее люди натолкнулись несколькими столетиями раньше. Дело в том, что стоянка расположена не в каком-то глухом месте, а на том самом мысу, где стоит Зарайский кремль. Те, кто в 1531 году подготавливали закладку стен на мысу, не могли не увидеть в земле громадные кости мамонта и острые кремневые осколки. Вполне вероятно, что кто-нибудь из строителей вытащил из глины удивительные по размерам кости, вспомнил, разглядывая их, о легендарных великанах – волотах, а другой поднял кремневый резец или скребок и приспособил его для кресала. Но никто не счел нужным сохранить кремни и кости, описать, хотя бы кратко, столь необычную находку.

Первые известные нам археологические наблюдения в Московском Кремле относятся к 1838 году. А ведь какие-то древние вещи должны были находить здесь и раньше, при многочисленных строительных работах, например, при рытье котлована для неосуществленного баженковского дворца 1769–1770 годов. Не исключено, что отдельные встретившиеся там средневековые изделия заметили, но их не сберегли, не зарисовали, не описали.

Значит, наш рассказ следует начать с того момента, когда

появились первые упоминания о древностях в печати и были сделаны попытки их научного истолкования. А отмечается это лишь в 1820-х годах, в пушкинскую эпоху. Археология Москвы как особая научная проблема возникла менее двух столетий тому назад.

Это не так уж мало. Но вспомним, что в Италии раскопки вели еще в период Ренессанса, да и в России в других районах к ним приступили уже в XVII–XVIII веках. В 1960 году академик А. П. Окладников выступил с докладом «Триста лет сибирской археологии». Действительно, для Сибири с середины XVII века есть сведения о раскопках курганов (правда, с кладоискательскими целями), о поисках древних горных разработок – чудских копей, о вызвавших любопытство у путешественников первобытных рисунках на скалах. В начале XVIII века некоторые сибиряки составляли коллекции древностей, а в 1722 году были проведены первые научные раскопки могильника у Абаканска.² На протяжении XVIII столетия экспедиции Петербургской Академии наук выявили много археологических памятников на Иртыше и Енисее, в Забайкалье, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале и Кавказе. С конца этого века, когда в состав России вошли Крым, Северное Причерноморье, началось изучение руин античных городов Пантикапея и Херсонеса, скифских курганов в Поднепровье.

² Общую характеристику начального этапа в развитии археологии в России см.: Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

А вот под Москвой раскопок в те годы еще не было. Почему же? Причин можно назвать несколько. Людям вообще свойственно больше интересоваться далекими экзотическими краями, чем привычным, примелькавшимся с детских лет около дома. Каждый из нас знает москвичей, с удовольствием рассказывающих о своих поездках на Камчатку, Новую Землю или Памир, но ни разу не побывавших в Звенигороде, а то и в Коломенском.

Внешний вид археологических памятников Подмосковья и встречающихся в них находок неизмеримо скромней, чем у аналогичных объектов в Сибири или на Украине. Для всех трех районов типичны курганы. Но в Поднепровье и на Среднем Енисее они достигают колоссальных размеров – до 20 метров в высоту. Там при раскопках находят золотые вещи художественной работы, иногда привезенные из Греции или Передней Азии, иногда изготовленные местными мастерами. В Подмосковье ничего подобного нет. Насыпи здесь маленькие, не выше полутора—двух метров, находки же бедны. Тоненькое височное кольцо из низкопробного серебра не привлекает ни как материальная ценность, ни как яркий образец прикладного искусства.

Не забудем и еще одно обстоятельство: на сибирские и причерноморские курганы люди XVII–XVIII веков смотрели как на могилы неведомых народов – язычников, а на подмосковные, – если не как на гробницы предков, то, во всяком случае, как на что-то не совсем чужое. Тревожить прах

мертвых казалось здесь кощунством.

Что касается других видов археологических памятников, то в Подмосковье никогда не было ни наскальных рисунков, ни каменных изваяний, ни горных разработок, обративших на себя внимание путешественников по Сибири в XVII–XVIII веках.

Остаются следы древних поселений. Из них особый интерес издавна вызывали руины заброшенных городов с каменными и кирпичными постройками. Уже в XVIII веке русские ученые издали описания нескольких запустевших городов: Болгара под Казанью, Аблаинкита на Иртыше, Сарая на Нижней Волге, Маджар на Северном Кавказе, Херсонеса и Пантикапея в Крыму. В Подмосковье таких развалин нет. Стоянки охотников и рыболовов каменного века, рядовые селища вятичей и кривичей не имеют никаких выраженных признаков на поверхности. Разыскать эти памятники прошлого сумели только специалисты-археологи в XX веке. Городища с их валами и рвами хорошо заметны, и в народе о них всегда знали, но в размывах на краю береговых укреплений можно увидеть лишь полусгнившие кости да черепки грубо слепленных горшков – на обывательский взгляд, вещи нестоящие. Это не Херсонес с его мраморными колоннами, находками расписных ваз и античных монет.

Наконец, раскопки в Сибири позволяли надеяться, что с их помощью прояснятся какие-то темные места в истории Азии – материка для европейцев все еще малоизвестного. Об

истории греческих городов в Причерноморье вполне можно было судить по книгам древних авторов. Но людей XVIII века, воспитанных на идеях классицизма, на преклонении перед античностью, занимало все, что говорило о высокой культуре того времени, – и глиняные светильники, и терракотовые статуэтки, и монеты, и детали каменных зданий. Ну а прошлое Центральной России ученые XVIII века рассчитывали с достаточной полнотой восстановить, используя одни летописи и грамоты.

Так и получилось, что археологические памятники Подмосковья на десятилетия выпали из круга внимания первых русских исследователей отечественной истории.

Положение изменилось в начале XIX века.

Глава 1

Первые исследователи подмосковных городищ Ходаковский и Калайдович

В конце 1819 года в Москве вышел очередной – двадцатый – номер популярнейшего русского журнала «Вестник Европы». Он был основан в 1802 году Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826), а затем перешел в руки его литературного противника Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842). Новый редактор – профессор Московского университета по кафедре истории – в отличие от своего предшественника заполнял страницы журнала не столько произведениями поэтов и прозаиков, сколько специальными исследованиями, посвященными тем или иным явлениям древности и средневековья. Это вызывало нарекания читателей. Пушкин иронизировал, что «Вестник Европы» целиком ушел в обсуждение таких «животрепещущих» тем, как упомянутые в летописях «куньи мордки».³

И на этот раз в журнале была помещена большая статья, озаглавленная «Разыскания касательно русской истории», но

³ Пушкин А. С. Отрывок из литературных летописей // Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949. Т. 11. С. 77–81.

вряд ли кто из подписчиков счел ее малоинтересной. Здесь поднимается вопрос, далеко не безразличный для русского общества в период национального подъема после Отечественной войны 1812 года и в начале движения декабристов. Вопрос состоит в том, была ли культура древнейших славян примитивной или она достигла высокого уровня. Рассматривались тут и пути решения этой проблемы.

Сказав несколько комплиментов «Истории государства Российского» Карамзина, изданной всего год назад и пользовавшейся огромным успехом, автор статьи упрекал историографа в малом внимании к истокам славянства, по сути дела в отказе от их поисков и характеристики (вероятно, это и привлекало в «Разысканиях» редактора Каченовского). Те, кто пользуется только летописями, составленными христианскими монахами, говорилось далее, неминуемо видят более ранний языческий период в искаженном свете, поскольку христиане намеренно изображали язычников грубыми, жалкими дикарями. Ученым надо обратиться к совсем другим материалам – к фольклору, топонимике, этнографии, покинуть кабинеты, «низойти под кровлю селянина», узнать его поверья и обычаи.

Особенно важны в этой связи своеобразные памятники прошлого – городища. «Мне удалось заметить..., – писал автор, – что, где они уцелели, везде сходствуют в главных чертах: имеют небольшие кругловатые валы, исключительно из черной земли насыпанные, имеют вход от востока, всегда

находятся при реках или источниках на прекраснейших местоположениях, и посреди оных валов нередко примечаются ямки или котловища... Сии городища были святыми... приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды языческие совершались».⁴ Городища сооружены не кем иным, как славянами, притом по строгой системе – в четырех – шести или восьми верстах друг от друга, так что по ним легко определить и область расселения славян, и устройство их общества в языческую эпоху. Более того: продолжая исследования, можно будет дойти до «Инды и Гангеса» и выявить корни всей европейской семьи народов (незадолго перед тем было установлено родство санскрита с европейскими языками).

Под статьей стояла незнакомая публике подпись: «Зорьян Доленга-Ходаковский..., Гомель под Белицею, 20 липца 1819» («липец» – по-польски «июль»).

Менее чем через год увидела свет вторая работа Ходаковского: «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». Она была напечатана в семи номерах петербургского журнала «Сын отечества» за 1820 год и содержала более развернутое обоснование тезисов, выдвинутых в «Вестнике Европы». Дан тут и список конкретных городищ, разбросанных по просторам России и требующих осмотра и изучения. Среди них названо

⁴ Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 20. С. 280.

несколько пунктов в Московской губернии: Вышгород в Вере́йском уезде (ныне Наро-Фоминский район), городища в Вере́е (Владимирово), Малом Ярославце и у села Ладонского в Тарусском уезде.⁵ М. Т. Каченовский нашел нужным перепечатать эту статью с небольшими сокращениями в «Вестнике Европы».⁶

Постепенно до Москвы дошли рассказы о неизвестном русским читателям исследователе славянских древностей. Впервые он выступил в печати в 1818 году в западно-украинском городке Кременце, где находился центр польского просвещения – Лицей. Уже в этой ранней публикации намечена широкая программа сбора материалов о культуре славян-язычников: «Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле, – эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд и его лекарки дают растениям. Соберем, сколько возможно, песни и старые гер-

⁵ Ходаковский З. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 38. С. 195, 196.

⁶ Доленга-Ходаковский З. Извлечение из плана путешествия по России для описания древностей славянских // Вестник Европы. 1820. Ч. 113. № 17. С. 30–56; № 18. С. 99—118.

бы. Опишем главнейшие обряды».⁷

Этот план исследований Ходаковский представил Варшавскому обществу друзей наук, но поддержки там не встретил. В его положениях усмотрели предосудительное восхваление язычества и очернение христианства. Тогда Ходаковский решил познакомиться со своим проектом известного мецената графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826). Сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, видный дипломат, государственный канцлер, выйдя в отставку, погрузился в изучение русской старины, субсидировал издания исторических источников, поиски их в монастырях и архивах.⁸ В его-то имение близ Гомеля и приехал Ходаковский из Западной Украины. Граф выслушал посетителя, снабдил его рекомендательным письмом в столицу, но от помощи в организации экспедиции уклонился.

Из Белоруссии Ходаковский направился в Петербург, где предложил «Проект ученого путешествия» министру народного просвещения А. Н. Голицыну. Тот запросил мнения Н. М. Карамзина. Николай Михайлович отозвался о проекте положительно, подчеркнув, в частности, что автор «окажет немалую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности городки, издаст их

⁷ Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 76.

⁸ О нем см.: Козлов В. П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX веков. М., 1999. С. 167–230.

верное описание».⁹ Проект, поданный министру, и был напечатан в «Сыне отечества».

Москвичи живо откликнулись на эту публикацию. В «Вестнике Европы» помещены четыре письма, сообщавшие о неучтенных в статье археологических памятниках. Один из корреспондентов – Михаил Николаевич Макаров (1785–1847) – интересовался этим кругом тем и раньше. В 1819 году он недоумевал, «почему наши любители древностей, занимаясь одной письменностью летописей, не хотят еще рассматривать и исследовать... немые, но самые любопытнейшие памятники временников, сохранившиеся в архивах самой природы».¹⁰ Теперь он указывал Ходаковскому на Мячковский, или Боровский, курган в 30 километрах от Москвы и на несколько городищ, расположенных по дороге оттуда в Рязань.¹¹

Имя Макарова давно позабыто, но в начале XIX века он пользовался известностью, много писал в стихах и прозе, собирал и публиковал русские песни и сказки, издавал журналы, знал Пушкина, оставил свои воспоминания о нем.¹²

⁹ Архив Академии наук СССР. Ф. 30. Оп. 1. № 74. Л. 7.

¹⁰ Макаров М. Н. Краткая записка о некоторых достопамятностях Рязанских и Пронских // Труды Общества любителей российской словесности. 1819. Ч. 16. С. 122.

¹¹ Макаров М.Н. Письмо к редактору // Вестник Европы. 1820. Ч. 113. № 20. С. 306, 307.

¹² О нем см.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 468–470; Черейский Л. А. Пушкин и его окруже-

Почему же весьма специальные статьи о древностях заинтересовали читателей? Труд Карамзина удовлетворил отнюдь не всех. Декабристы М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев обвиняли историографа в сознательном замалчивании периода «народоправства», т. е. республики в истории Руси, предшествовавшего «монархии» Рюрика. Объяснить, по каким материалам можно охарактеризовать загадочный период, они, однако, не сумели. Ходаковский отвечал как раз на этот вопрос.

Слово «городище» старинное русское. Означает оно место запустевшего города, как «селище» – место заброшенного села, а «кострище» – след прогоревшего костра. Под городом в данном контексте понимается не крупный населенный пункт с развитыми ремеслом и торговлей, а поселок, хотя бы небольшой, но непременно обнесенный оградой, укреплениями. Как покинутый укрепленный поселок расценивается городище уже в древнейших русских летописях: «Кий... приде к Дунаеви, возлюбил место и срубил городок мал, хотяше сести с родом своим. И не даша ему ту близживущие. Еже и доньне наричают дунайцы городище Киевец». ¹³ Ходаковский, как мы видели, интерпретировал городища иначе – как языческие капища.

Сотни сел на Руси носили и носят названия типа «Горо-

ние. Л., 1976. С. 233; Добролюбов И. В. Библиография писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910. С. 133–135.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. С. 10.

дище», «Городня», «Городок». Много таких названий попало в «Словарь географический Российской империи», изданный в начале XIX века Афанасием Щекатовым. Ходаковский сделал десятки выписок из этого справочника. Немало древних земляных укреплений находятся в стороне от современных деревень, но и об этих памятниках можно разузнать. Валы и рвы на высоких береговых мысах хорошо заметны. Места, некогда удобные для обороны, позднее служили ориентирами при размежевании земель и т. д. Благодаря этому картотека городищ пополнялась путем расспросов, просмотра карт и планов.

В конце 1820 года Ходаковский получил от Министерства народного просвещения 3000 рублей на свое «ученое путешествие». Начал он с Новгорода Великого и его окрестностей. Обследовав Рюриково городище на правом берегу Волхова, в дальнейшем он сосредоточил силы на раскопках древних могил – сопок и жальников. Наблюдения, сделанные при этом, свидетельствуют о добросовестности и пытливости Ходаковского. К марту 1821 года он «издержал последний рубль из щедрот правительства» и, прервав поездки и раскопки, принялся за составление отчета о них для Министерства просвещения. Увы, эти донесения разочаровали чиновников. От экспедиции ждали сенсационных открытий, а результаты были скромными. На протяжении 1821–1823 годов Ходаковский послал в Петербург кучу писем с сообщениями о новых интересных урочищах. Ответы сначала были

уклончивыми, потом совсем прекратились, деньги же не поступили ни разу. В марте 1823 года Министерство вынесло официальное решение – считать экспедицию законченной.

В этот критический для себя период Ходаковский и появился в Москве. Он приехал туда в самом конце 1821 года и прожил в старой столице до весны 1824. Москвичи знали его под именем Зоряна Яковлевича. Полунищий, живший на гроши, взятые в долг у знакомых, одержимый своими идеями, он производил на окружающих странное впечатление. Вот как обрисован он в мемуарах журналиста Ксенофонта Полевого: «всегдашний костюм его составляли серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся он всюду и обращал на себя внимание солдатскою откровенностью, близкою к грубости. Всех дам, без различия с простолюдинками, называл он „матушка“, всех мужчин – „батюшко“. Он обращался с расспросами ко всякому, нарочно ходил на Болотный рынок и умел выпрашивать у русских мужичков о городках». Там «принимали его то за вора, то за шпиона и таскали на съезжую». Не пренебрегал Ходаковский и посетителями дома Полевых, вплоть до барышень. «Происходили в глазах наших истинно комические сцены... Входит в комнату человек, вовсе ему не знакомый, и еще не успел этот человек сказать, зачем пришел, как Зориан начинает допрашивать его. Кое-как отделавшись от допросчика, он спрашивает – что это – помешан-

ный что ли? – Другие принимали его за пьяного».¹⁴

Все это выглядит достаточно нелепо, но понять, в чем тут дело, нетрудно. Средствами на поездки по городищам Ходаковский не располагал, а желание пополнить список таких памятников было неодолимо. Приходилось довольствоваться сведениями, полученными от случайных собеседников.

Куда больше дало Ходаковскому знакомство с документами Московской межевой канцелярии. Просматривая планы имений, государственных и крестьянских земель, он постоянно встречал новые указания на городища. В письмах в Петербург увлеченный исследователь утверждал, будто количество их равно «числу звезд нашего неба», что их можно собирать «как грибы в благоприятствующую им осень», а после занятий в Межевой конторе удалось учесть 3000 памятников.¹⁵ Итоги этих изысканий были подведены в очередном отчете для Министерства просвещения.

Общался Ходаковский и с московскими учеными и любителями старины – профессором университета Иваном Михайловичем Снегиревым (1793–1868), молодым историком, недавно защитившим магистерскую диссертацию Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875), журналистом Николаем Алексеевичем Полевым (1796–1846) – будущим издате-

¹⁴ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934. С. 138–140.

¹⁵ Dolqga-Chodakowski Z. O Slawianszczyźnie przed chrzescijanstwem oraz inne pisma i listy. Warszawa, 1967. S. 328, 351.

лем «Московского телеграфа» и автором «Истории русского народа». Видимо, люди этого круга помогли Ходаковскому осмотреть несколько городищ в окрестностях Москвы. В его письмах и неопубликованных при жизни работах упомянуты городища у села Дьякова, в Кунцеве¹⁶ и Бородине.¹⁷ Побывал он и в Рузе, Радонеже, Дмитрове, Звенигороде и Можайске. Отмечен в его записях Бабий городок в районе Воронова в Подольском уезде¹⁸ (ныне районе). Известен также план, якобы снятый им с Дьякова городища.¹⁹ Данных о том, что на каком-то из заинтересовавших его объектов Ходаковский пробовал вести раскопки, у нас нет.

Архив рос, карта пополнялась все новыми точками, а средств не было не только на экспедицию, но и на кусок хлеба. Это заставило Ходаковского взяться за управление имением одного из тверских помещиков. Весной 1824 года он покинул Москву, а уже в начале 1826 года газета «Северная пчела» сообщила: «Мы получили на сих днях известие, что почтенный изыскатель славянских древностей З. Доленга-Ходаковский скончался в прошедшем ноябре месяце в

¹⁶ Там же. С. 352; Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. 1838. Т. 1. Кн. 3. С. 29, 30.

¹⁷ Донесение о первых успехах путешествия по России Зорияна Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. 1844. Т. 7. С. 6, 43, 265 и др.

¹⁸ Dolecga-Chodakowski Z. Op. cit. S. 374; Историческая система Ходаковского. С. 37.

¹⁹ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. III. С. 7.

Тверской губернии. Бумаги его находятся в Москве у одного приятеля. Желательно, чтобы они не были потеряны для нашей литературы». ²⁰ Умер и похоронен Ходаковский в селе Петровском. В целом жизнь его сложилась трудно. Наукой вплотную он занимался всего пять лет (1818–1823), опубликовал за эти годы лишь пять статей и провел единственную экспедицию. Имена многих дилетантов XIX века, сделавших столько же, а то и больше, давно забыты. Тут получилось иначе.

Архив покойного был передан в распоряжение Н. А. Полевого, но тот, бегло проглядев рукописи, не счел их заслуживающими издания. В августе 1830 года А. С. Пушкин и П. А. Вяземский остановились по дороге из Петербурга в Москву в Твери и навестили жившего там в ссылке декабриста Ф. Н. Глинку. По свидетельству А. А. Шишкова, они «умоляли Глинку упросить» обосновавшуюся в той же Твери вдову Ходаковского Елену Матвеевну «уполномочить их на отнятие у Полевого» бумаг ее мужа, видя в них «золотой рудник» и «сокровище». ²¹ После долгих и неприятных объяснений архив перешел к М. П. Погодину. В 1838, 1839 и 1844 годах в издававшихся под его редакцией «Русских исторических сборниках» – органе Общества истории и древностей Российских при Московском университете – были напеча-

²⁰ Северная пчела. 1826. 6 марта. № 28. С. 1.

²¹ Письмо А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову // Летописи Гос. Литературного музея. М., 1936. Кн. 1. С. 482.

ны отчеты Ходаковского о раскопках в Новгородском округе, развернутое изложение созданной им «Исторической системы» и начало ответа критикам. Подробную карту городищ Европейской России, извлеченную из того же архива, Погодин опубликовал еще позже – в 1871 году, в атласе к своей «Русской истории до монгольского ига».

Итак, архив Ходаковского был спасен и введен в научный оборот при помощи самого Пушкина. Поэт приехал в Москву из ссылки в Михайловское, когда многие его знакомые хорошо помнили о «Зоряне Яковлевиче», особенно о его расспросах. В поэме о Езерском Пушкин писал о себе:

...Новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
Об отдаленной старине.²²

Гоголь внимательно изучал украинские песни, собранные Ходаковским.²³ Салтыков-Щедрин в 1861 году хлопотал через Литературный фонд о пенсии для вдовы археолога.²⁴ Чернышевский, узнав о «теории славянского город-

²² Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 5. С. 100. Подробнее см: Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000. С. 87–96.

²³ Украшью народт пісНі в записях ЗоріаНа Доленги Ходаковського (3 Галичини, Волиг, Поділля, Поднішрянщини і Полкхя). Кит, 1971. С. 35.

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Поли. собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. XVIII. Кн. 1. С. 248 (письмо к П. В. Анненкову от 23 ноября 1861 года).

ства» из лекций знаменитого филолога И. И. Срезневского в Петербургском университете, послал запрос в Саратов о городищах Нижней Волги своему учителю Г. С. Саблукову.²⁵ Увлёкся идеей о городищах как славянских святилищах и известный историк Иван Егорович Забелин (1820–1908). Вместе со своим другом, впоследствии крупным искусствоведом Д. А. Ровинским, в молодые годы он много ходил по Подмосковию и разыскал несколько городищ, не попавших в поле зрения предшественников. Одно расположено у села Подушкина на речке Кобыленке в районе Барвихи, другое – у села Соколова на Сходне.²⁶ В своей книге «История русской жизни», вышедшей вторым изданием в 1908 году, Забелин все еще излагал построения Ходаковского без сколько-нибудь существенных поправок. Наконец, данью уважения одному из основоположников славяно-русской археологии стал выпуск в 1967 году в Польше сборника его избранных трудов и писем, подготовленного при содействии русских и украинских ученых. Таким образом, судьба творческого наследия неудачника Ходаковского сложилась на редкость счастливо.

Интерес к научным изысканиям Ходаковского породил любопытство и к его биографии. Ведь чем он занимался до

²⁵ Ильинский Л. К. Страничка из истории археологии Поволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 10–16.

²⁶ Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан. М., 1873. С. 224–249; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 70–76.

1818 года, никто толком не знал. Когда он вел переговоры с Министерством просвещения об организации своей экспедиции, его попросили сообщить основные сведения о себе. Копия этой записки с пометкой «не для печати» попала в руки Н. А. Полевого, и в 1839 году он опубликовал ее.²⁷ В жизнеописании сказано, что Доленга-Ходаковский родился 23 декабря 1784 года в местечке Комов в Австрии, окончил училище ксендзов-пиаров, а затем, в 1806–1810 годах, совершенствовался в науках в Кременецком лицее.

Вскоре «Варшавская газета» поместила реплику, озаглавленную: «Кто именно был Зорян Доленга-Ходаковский?». Там утверждалось, что автобиография содержит заведомо ложные данные. В 1850-х годах польские ученые разобрались в этом вопросе.

Подлинное имя «изыскателя славянских древностей» – Адам Чарноцкий. Родился он действительно в 1784 году, но не 23 декабря, а 4 апреля, и не в Австрии, а в России – в Минском воеводстве. Сын мелкого шляхтича получил не столь блестящее образование, как сказано в жизнеописании, а окончил всего-навсего Слуцкую уездную школу. С 1807 года служил помощником управляющего у новогрудского воеводы в Гродненской губернии. По рассказам друзей его юности, Адам рано увлекся историей, рылся в архивах, описывал народные обряды, собирал песни. В марте 1809 года Чарноц-

²⁷ Полевой П. А. Записка о жизни Зоряна Долуги-Ходаковского // Сын отечества. СПб., 1839. Т. 8. Отд. 6. С. 89, 90.

кого арестовали.

Польское общество не смирилось с гибелью своего независимого государства после разделов 1773 и 1795 годов. Это учитывал Наполеон, создавший марионеточное герцогство Варшавское и обещавший помочь полякам, если они поддержат его в войнах со странами, участвовавшими в разделах. Часть молодежи поверила Наполеону. Это не могло не беспокоить русское правительство, понимавшее, что Тильзитский мир не гарантирует от новых притязаний Наполеона. К следствию по делу молодых поляков, собиравшихся выступить на стороне Наполеона, и был привлечен Чарноцкий. Девять месяцев он просидел в тюрьме в Петербурге, потом его лишили дворянства, поверстали в солдаты и выслали в Омский гарнизон. Некоторое время он тянул солдатскую лямку, а потом скрылся. В войне 1812 года был в польском легионе армии Наполеона. Вновь появился в родной для себя среде польской интеллигенции в Западной Украине уже под именем Ходаковского.²⁸

Многого мы не знаем. То, что известно о деятельности Чарноцкого в 1818–1825 годах, не свидетельствует ни о его национализме, ни об интересе к политике вообще. Он жил в мире своих идей, гипотез, фантазий. Так или иначе, положение Чарноцкого-Ходаковского оказалось неизмеримо более

²⁸ Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М; Л., 1963. С. 90–94.

трудным, чем у тех поляков, кто в 1812 году служил в армии Наполеона. Александр I даровал им прощение, и польский легионер Фаддей Булгарин спокойно издавал затем в Петербурге официозные газеты и журналы. На Ходаковского амнистия не распространялась, поскольку он был не просто французским солдатом, а дезертиром из русской армии. Поразительно, что в сложнейшей ситуации, без гроша в кармане он напряженно работал и писал вовсе не о своих бедах, а о древнейшем прошлом славян, при этом на материалах России, а не Польши.

Среди чиновников и обывателей понимания он не встретил. Зато русские ученые и писатели его поддерживали. Насмешки московских барышень вряд ли задевали Ходаковского. Но его ждало и более серьезное испытание: критический разбор его построений, данный квалифицированным историком.

В 1822 году на месте запустевшей после нашествия Батыя столицы древнерусского Рязанского княжества – городища Старая Рязань – был найден клад ювелирных изделий, зарытый незадолго до гибели города кем-то из его жителей. находка вызвала большой интерес, и Н. П. Румянцев решил послать в Рязанскую губернию одного из членов своего кружка, чтобы уточнить все обстоятельства открытия. А раз клад был связан с городищем, предполагалось заодно проверить, верна ли интерпретация подобных памятников, выдвинутая Ходаковским.

В июле 1822 года в поездку отправился снабженный 150 рублями Константин Федорович Калайдович.²⁹ Он был младше Ходаковского (родился в 1792 году в Ельце), обладал более солидной, чем он, научной подготовкой (окончил с отличием Московский университет), но было и что-то похожее в судьбе этих двух людей. Выходцы из мелкого дворянства, оба они жили не за счет крепостных, а должны были служить или обращаться за помощью к меценатам.

Обоим суждено было перенести два тяжелых испытания. Преодолев первый кризис, именно вслед за ним оба работали особенно успешно, после же второго, – пожалуй, менее острого, – оправиться не смогли, отошли от науки и быстро погибли.

Окончив университет в 1810 году, Калайдович преподавал в Московском благородном пансионе и увлеченно занимался науками. В печати он выступал с 1807 года, едва достигнув пятнадцати лет. Начал он со стихов и прозы, но, пройдя школу М. Т. Каченовского, сосредоточился на изучении русской старины, стал членом Общества истории и древностей Российских, прочел там ряд удачных докладов. Наполеон шел на Москву. Калайдович добровольно вступил в ополчение и в чине подпоручика участвовал в сражениях

²⁹ О нем: Бессонов П. А. К. Ф. Калайдович // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1862. Кн. 3. С. 1—208; Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в. М., 1976 (рукопись канд. дисс); Он же. Российская археография... По указателю.

при Тарутине и Малоярославце. В Москву он вернулся «с одной только рубашкою и военным мундиром». Родительский дом «у Рождества в Палашах» на Тверской сгорел. Пожар не пощадил и библиотеку и первое собрание древних рукописей молодого ученого. Но победа над захватчиками окрыляла, сил было в избытке, и Калайдович с радостью вернулся к прерванным занятиям, готовился к магистерским экзаменам. И вдруг пришла беда.

В конце 1814 года в городке Коврове Владимирской губернии Калайдович был арестован за неподобающее дворянину поведение.

Что имелось в виду, мы не знаем. Человек молодой мог просто загулять, покутить, но отношение к таким грехам было тогда снисходительным («Великая беда, что выпьет лишнее мужчина!»). Приходит в голову догадка – а не позволил ли он себе какие-либо вольнолюбивые высказывания, столь опасные в аракчеевские времена? Фантазировать не стоит. Наказание, во всяком случае, было страшным. Отец поместил Константина на четыре с половиной месяца в дом умалишенных, а потом целый год ему велели предаваться церковному покаянию за крепкими стенами Николо-Песношского монастыря около Дмитрова. Все это не прошло бесследно для физического и душевного состояния юноши. С тех пор он страдал «нервическим расслаблением» и «ипохондрическими припадками». То были симптомы психического заболевания.

И все-таки, покинув монастырь, Калайдович сумел прийти в себя и за восемь лет сделать очень много для развития русской исторической науки. В 1817 году он поступил на должность контр-корректора Комиссии печатания государственных грамот и договоров – издания, задуманного и финансировавшегося Н. П. Румянцевым. Работа была не техническая, а творческая. Требовалось отобрать из архивов заслуживающие публикации документы, прочесть и прокомментировать их, найти разумные принципы воспроизведения древних текстов в печати, где-то сохраняя старую орфографию, а где-то заменяя ее новой. Калайдовичу удалось создать передовые для того времени правила публикации русских средневековых исторических источников. Румянцев оценил заслуги контр-корректора, назначил его «смотрителем», т. е. редактором всего издания, ввел в группировавшийся вокруг него кружок любителей старины. В 1817 и 1820 годах на средства государственного канцлера Калайдович предпринял объезд монастырей Центральной России, разыскивая там древние рукописи. Успех превзошел все ожидания: были выявлены сотни манускриптов – государственных и частных актов и произведений древнерусской литературы. За 1818–1822 годы Калайдович выпустил ряд значительных научных трудов: сборник записей русских народных песен, составленный в XVIII веке Киршей Даниловым, книги о писателе XII столетия Кирилле Туровском и о судебнике Ивана III и около шестидесяти статей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.